

Ци Цзяньсы, господин Ци. На службе он уже пять лет, и сейчас его жалование значительно превышает жалование Лу Сяо. Обладая невероятно красивой внешностью, он занимается тем, что разоблачает и критикует. По сравнению со своим отцом, Ци Цэ, он даже более суров. Ци Цэ, которому чуть за сорок, находится в расцвете сил, но все его внимание сосредоточено на бытовых мелочах, а ежедневные посещения дворца больше похожи на формальность. Все дела в Палате цензоров проходят через руки Ци Цзяньсы, а сам он предпочитает оставаться в стороне. Раньше чиновники называли его «младшим господином Ци», но уже некоторое время как убрали это «младший».

Для этих знатных молодых людей непреклонный господин Ци вряд ли станет исполнять все их прихоти.

В этот момент Лу Сяо думал о другом. Министр ритуалов был известен своей любовью к наложницам и даже подумывал о том, чтобы возвести одну из них в ранг жены. Это был открытый секрет в Чанъане. Лю Синьюань, его незаконнорожденный сын, хоть и был немного распущен, но не доходил до публичных оскорблений. Кроме того, министр ритуалов в политике опирался на Нин Гоуна, а Нин Хуай, хоть и не служил при дворе, был вторым сыном императора и любимым ребенком в семье. Зачем же Лю Синьюань решил провоцировать их?

Лицо Лю Синьюаня стало еще мрачнее, но он не хотел показывать слабость. Он бросил несколько угроз и, развернувшись, ушел, сопровождаемый слугами. Лу Сяо на мгновение задумался, но, не найдя ответа, решил не заикливаться на этом и, взяв за руку рассерженного Нин Хуая, продолжил прогулку. Нин Хуай, с покрасневшим лицом, спросил:

— А Сяо, ты совсем не злишься?

Лу Сяо достал шелковый платок, аккуратно завернул нефритовую подвеску и, не отвечая прямо, сказал:

— Вернемся и будем вести себя так, будто ничего не произошло. Сегодня мы не видели Лю Синьюаня.

Нин Хуай не понял, но все же согласился.

С наступлением сумерек на улицах Чанъаня зажглись фонари. Лу Сяо проводил Нин Хуая до дома Нин и быстро направился обратно. Прохожие толпились, и Лу Сяо, пробираясь сквозь них, шел под мерцающим светом фонарей, который освещал его белоснежное лицо.

Во дворе пахло травами.

Лу Сяо вошел в дом, где в главной комнате сидел Лу Сюэхань, держа в руках нефритовую чашку с чаем. Он поднял глаза и встретился взглядом с Лу Сяо. Лу Сяо, немного смущаясь, сказал:

— Я вернулся.

Лу Сюэхань тихо кивнул, словно уже знал, что Лу Сяо принес ему что-то, и не стал продолжать разговор.

Однако Лу Сяо сам подошел:

— Вот, примерь, подойдет ли.

Небольшая нефритовая подвеска, которую юноша держал в руке, прошла путь от дома Нин до конца Чанъаньской улицы. Лу Сюэхань взял ее, и она все еще сохраняла тепло, как и сердце Лу Сяо. Он быстро прикрепил подвеску к своему поясу, и Лу Сяо услышал:

— Мне нравится. И она подходит.

Сначала «нравится», потом «подходит».

Сердце Лу Сяо наконец успокоилось. Он вздохнул с облегчением, разжал кулак, спрятанный в рукаве, и с улыбкой сказал:

— Она недорогая, но выглядит стильно, и тебе подходит.

Вновь став легкомысленным господином Лу, он направился в комнату, насвистывая.

Лу Сюэхань, увидев, что он несет сладости, слегка нахмурился. Он думал, что его Сяо повзрослел и научился заботиться о других, но тот все еще оставался таким же сладкоежкой, как и в детстве.

Через оконную занавеску пробивался лунный свет, а в саду цвели гибискусы. Лу Сяо, сидя на столе, наслаждался сладким ароматом, чувствуя себя легко и спокойно. Вдруг раздался стук в окно, и он, не меняя позы, тихо спросил:

— Что случилось?

Шаги охраны дома Нин — Лу Сяо прекрасно знал этот звук. Высокий мужчина стоял за окном и тихо сказал:

— Господин Лу, я передаю вам сообщение от молодого господина.

Всего несколько часов назад Лу Сяо проводил Нин Хуая домой. Он сохранял спокойствие, легонько постучав по подоконнику:

— Говори.

Человек приблизился, и Лу Сяо сделал удивленное лицо. Охранник передал слова своего господина и сразу же ушел. Лу Сяо нахмурился, долго не разглаживая морщин, вспоминая слова Нин Хуая.

— Лю Синьюань был заперт в доме своим отцом.

Дорога от Чанъаньской улицы до Ворот Фэнтянь Лу Сяо проходил тысячи раз. Времена года сменяли друг друга, и он мог безошибочно сказать, какие цветы росли вдоль дороги и сколько магазинов стояло по обеим сторонам улицы. Обычно он шел на службу в полусне, но сегодня, с тяжелыми мыслями, был особенно бодр.

Перед тронем стояли две позолоченные статуи журавлей. Лу Сяо смотрел вперед, уставившись на их золотые шеи. Он редко обращал внимание на подобные события. Новости среди чиновников распространялись быстро, и малейшие намеки, вылетающие из их уст, были достаточны для того, чтобы он мог сделать выводы. Лу Сяо мысленно усмехнулся, слушая, как окружающие, нарочно понижая голос, но так, чтобы их все же можно было услышать, обсуждали вчерашние события.

— Этот Лю Синьюань — всего лишь незаконнорожденный сын, пользующийся благосклонностью своего отца. Сначала он женился на дочери господина Хэ, а через год ввел в дом двух наложниц.

— Все в столице знают, что господин Лю — распутник. Взял наложниц — это еще куда ни шло, но нарушать законы — это уже перебор.

Лу Сяо усмехнулся: «Ну давайте, рассказывайте дальше. Все эти истории о похождениях Лю Синьюаня — уже старые новости. Каждый раз перед тем, как перейти к делу, нужно вспомнить его „подвиги“».

Кто-то, словно услышав его мысли, перешел к главному. Лу Сяо, услышав слово «вчера», насторожился.

— Семь старух стояли на коленях перед домом Лю, умоляя Лю Синьюаня выйти и ответить на их обвинения. Говорят, что их жалобу написал местный ученый, и трижды они подавали ее в управление города, но каждый раз она пропадала без ответа. На этот раз старухи, видимо, набрались смелости и, стоя перед домом Лю, обвинили его в насилии над невинными девушками и убийстве их за городом. Говорят, их плач был слышен за полкилометра.

Лю Синьюань действительно был чудовищем. Дома у него были красивые жены и наложницы, но его похотливость не знала границ.

— Не говоря уже о том, правда это или нет, но господин Лю, конечно, отрицал все. Он тут же приказал слугам прогнать этих болтливых старух, но тут...

Говорящий, подражая уличным рассказчикам, сделал паузу, а затем продолжил:

— Мимо проезжала карета господина Ци, и он, заметив шум, велел развернуться и подъехал.

— Старуха, возглавлявшая группу, была смелой. Увидев, что господин Ци — не простой человек, она вдруг громко закричала, ударилась головой о каменного льва у ворот дома Лю и прокричала, что Лю Синьюань не умрет своей смертью. Кровь капала со лба льва, и все, кто был рядом, были потрясены. Даже те, кто сомневался, начали верить. Господин Ци, конечно, все слышал. Господин Лю, защищая сына, использовал свой высокий статус, чтобы подавить господина Ци. Господин Ци не мог заставить Лю Синьюаня выйти, и теперь все ждут решения императора.

Лу Сяо чувствовал себя странно.

С того момента, как он услышал о появлении господина Ци, его лицо едва заметно изменилось. Лу Сяо начал сомневаться, не обладал ли он даром предвидения: он только что использовал имя Ци Цзяньсы, чтобы остановить Лю Синьюаня, и не прошло и полдня, как Ци Цзяньсы сам вступил в конфликт с господином Лю.

В зале внезапно наступила тишина, и Лу Сяо медленно отвел взгляд от золотых шей журавлей. Он повернул затекшие глаза и, с опозданием осознав, что происходит, вместе с остальными отошел в сторону, давая дорогу главному герою дня — Ци Цзяньсы. Лу Сяо обернулся и увидел, что и второй герой уже на месте. Теперь оставалось только дожидаться императора Юнькана, чтобы спектакль начался.

Министр ритуалов господин Лю и его незаконнорожденный сын, Ци Цзяньсы из Палаты цензоров, тесть господин Лю — министр наказаний господин Хэ, заместитель судьи из Суда Дали, и, возможно, управляющий городом, который ничего не сделал. Все собрались, роли распределены, и теперь оставалось только ждать начала представления. Лу Сяо опустил глаза, внимательно наблюдая за происходящим.

Господин Лю, возбужденный, размахивал руками, вероятно, не спал всю ночь, думая, как защитить своего сына. Наконец он поднял полы своего халата и встал на колени на холодный пол, торжественно заявил:

— Мой сын, конечно, иногда ведет себя вызывающе, но обвинять его в насилии над невинными девушками — это невозможно! Я готов поклясться своим скипетром, что это неправда!